

Дискуссия, начатая «Нувель критик», — достойный ответ на демагогические, подчас звучащие прямо-таки анекдотически, нападки левых экстремистов. «Тель кель», например, называет ФКП ревизионистской партией и обвиняет ее в том, что она «отказалась от принципов идеологической борьбы, опирающихся на базу диалектического и исторического материализма... и пошла на поводу у Лю Шао-ци». Статьи Франс Вернье и Клода Прево показывают, что партийная критика ни в коей мере не отказывается от исследования «идеологического эффекта» литературного явления, однако требует, чтобы предметом литературной науки было изучение литературного явления и литературного процесса в его особенности и целостности, выступая тем самым как против вульгаризаторских заскоков левацкого толка, так и против эклектизма, скрывающего за псевдоширотой взглядов нищету мысли и отказ подойти к литературе с подлинно научными критериями, в результате чего, по выражению Клода Прево, «от критики остается одно название».

Требование подвести под литературную критику и культурную политику партии твердую научную марксистскую базу свидетельствует о серьезном подходе «Нувель критик» к проблеме отношений партии и интеллигенции и о подлинной озабоченности журнала «художественным будущим страны».

Л. З.

«БЕСЫ» XX ВЕКА

«Началось слушание в токийском суде по делу группы «Рэнго сэкигун» — ультралевой организации, совершившей зверские убийства 14 своих товарищей, взрывы самодельных бомб в общественных местах, ограбления банков и оружейных магазинов. При аресте у членов организации было обнаружено оружие, пекинская «революционная литература».

(«Правда», 24 января 1973 г.)

Проблема левого экстремизма в последние годы приобрела в Японии большую остроту. Проникнуть в его сущность, дойти до его истоков стремятся не только социологи, но и писатели, которые в поисках ответов обращаются к истории и литературе. В этой связи представляет несомненный интерес беседа с японским писателем Кэндзабуро Оэ, опубликованная в журнале «Сэкай» и озаглавленная «Революция. Смерть. Литература (Опыт Достоевского и современность)».

«Я уверен, что самые разные люди, на голову которых обрушилась лавина газетных сообщений о деле так называемой группы «Рэнго сэкигун», оторвавшись от газет, сразу же обратились к «Бесам» Достоевского, — сказал Кэндзабуро Оэ. — Я убежден, что благодаря «Бесам» большинство людей смогли понять, что представляет собой группа «Рэнго сэкигун». Я убежден в этом потому, что Достоевский помогает более глубокому и широкому пониманию того, что есть человек, что есть жизнь и смерть, что есть революция и в чем спасение человечества, когда мир находится на переломе к новому...»

Такое заявление Кэндзабуро Оэ не случайно. Тема «Бесов» появилась в его творчестве десять лет назад, когда в романе «Опоздавшая молодежь» он впервые беспощадно разоблачил идейную несостоятельность левого экстремизма. Такой же бескомпромиссной была и другая его книга о духовном крахе и гибели человека, для которого люди — не цель, а средство («Футбол 1860 года»¹). Попирая интересы людей, становясь над ними, утверждает Оэ, человек, какие бы прекрасные перспективы он перед людьми ни разворачивал, не способен сделать их счастливыми.

Читая «Опоздавшую молодежь», «Футбол 1860 года», видишь, как глубоко осмыслил Оэ Достоевского. Герои «Опоздавшей молодежи» и «Футбола» — это поистине «бесы» Японии середины XX века.

Таким образом, идея столкновения истинно прогрессивного, истинно революционного с псевдореволюционным, носителем которого выступают сейчас ультралевые, уже давно волнует Оэ.

«Принято считать, что проблема революции, проблема смерти сейчас, через сто лет, стали неизмеримо сложнее, чем в эпоху Достоевского, — говорит Оэ. — Но вот появилось известное дело группы «Рэнго сэкигун», и у меня создалось впечатление, что хотя за сто лет структура человеческого общества усложнилась, сегодняшней мир предельно прост, а эпоха Достоевского невероятно сложна. Я ощутил это, возможно, потому, что мировосприятие Достоевского было

¹ Опубликован в «ИЛ» №№ 1, 2, 1972 г.

необычайно сложным, наш же взгляд на современность, к сожалению, весьма упрощен... Происходит это, наверно, потому, что вокруг нас сегодня слишком много смертей. Смерть стала обыденным явлением».

К. Оэ подчеркивает, что все эти проблемы, встающие сегодня перед человечеством, можно понять лучше, полнее и глубже, сопоставив их с аналогичными проблемами, нашедшими отражение в «Бесах».

«Стоит лишь задуматься, каким был бы сегодня человек типа Кириллова, и сразу же встанет вопрос: что представляет собой человек в послереволюционном мире? Далее, сейчас, когда вновь возродилась проблема японского национализма, видимо, необходимо еще раз вспомнить горячие идеи Шатова, касающиеся России. Или, например, когда говорят о разрыве между поколениями отцов и детей, особенно об отрицании послевоенной демократии, следует вспомнить Степана Трофимовича, принадлежащего к поколению отцов, исповедовавших либеральные идеи... И если мы, так же как Достоевский, создавший в своем воображении мир «Бесов», будем стремиться к синтетическому осмыслению действительности и до конца продумаем вопрос, что представляет собой группа «Рэнго сэкигун», то нам удастся связать в единое целое столетний период, отделяющий нас от эпохи Достоевского... Поэтому я считаю весьма плодотворным рассмотреть нынешнюю эпоху, а вместе с тем и деятельность «Рэнго сэкигун» в свете «Бесов» Достоевского».

Оэ умалчивает о содержании эпохи, пролегающей между ультралевыми нашими днями и ультралевыми прошлого века. Но все истинно революционное для него несомненно, не случайно именно Оэ острее многих японских писателей выступил с критикой «культурной революции» в Китае. «Культура», «революция» слишком весомые, слишком значимые для него понятия, чтобы допустить их профанацию.

Дело группы «Рэнго сэкигун», говорит Оэ, указывает на поразительную духовную скудость людей, одержимых современной «нечаевщиной».

«Все, что я слушал и видел по радио и телевидению о деле «Рэнго сэкигун», производило на меня очень тяжелое впечатление, и лишь однажды я рассмеялся. Это произошло, когда на вокзале Каруидзава поймали одного из юношей, принадлежавших к «Рэнго сэкигун». На вопрос полицейского: «Ну что ты теперь собираешься делать?» — тот ответил: «Я хочу прочесть «Братьев Карамазовых». Там написано про нас...» Вот тогда-то я и улыбнулся горько, представив себе, как этот юноша будет читать в тюрьме «Братьев Карамазовых», хотя, скорее, ему следовало бы почитать «Бесов», но, видимо, об этом романе Достоевского он даже не слышал».

«По словам Сёхэй Оока,— продолжает К. Оэ,— человечество, познавшее Освенцим, уже совсем не то человечество, что было до Освенцима. Это верно. Можно также сказать, что человек до чтения Достоевского отличается от человека, прочитавшего его. И поэтому, если мы сейчас окажемся не способными правильно оценить дело группы «Рэнго сэкигун», то духовно бедными окажутся не только студенты, именующие себя «солдатами «Рэнго сэкигун», у которых не было времени прочесть Достоевского, но такими же духовно бедными окажемся и мы все, люди второй половины XX века, утеревшие то, что человечество извлекло у Достоевского».

Каждый раз, когда я задумываюсь над так называемой ядерной стратегией, я прихожу к выводу, что идеи «бесов» имеют еще один аспект. Достоевский не напрасно приводит притчу об Ионе... Как известно, Иона, бродя по Ниневии, предсказывал скорую ее гибель и разгневался на бога за то, что тот не уничтожил города... Если посмотреть на эту притчу с позиций сегодняшнего дня, она находит конкретное воплощение в идее атомной войны. В Хиросиме я часто слышал от людей, переживших атомную бомбардировку, пожелание, чтобы и на головы остального человечества упали атомные бомбы, есть даже песня об этом. Эти люди считают, что человечество все равно по-настоящему не переменится, до тех пор пока атомная война не поставит его у порога гибели».

На память приходит короткая новелла Ситиро Фукадзава «Восьмицветные облака». Перед читателем предстает жертва хиросимской трагедии: человек не просто потерял зрение, он утратил веру в справедливость, душевно ослеп. Атомная бомба искалечила не только тела людей, но и их души.

«Если не рассматривать или оказаться не способным рассмотреть нынешнюю обстановку, и в первую очередь дело группы «Рэнго сэкигун», так же глубоко и широко, как рассмотрел «нечаевщину» Достоевский, то теряется смысл столетия, пройденного человечеством после Достоевского»,— говорит Оэ.

Но, к сожалению, подчеркивает он, людей, способных на такой анализ, в сегодняшней Японии не так уж много.

Достоевский-художник велик не только глубиной поднятых им проблем, не утративших актуальности и сегодня, продолжает К. Оэ, но и своим позитивным взглядом на человека, идеей взаимозависимости людей, ответственности друг за друга.

Такой позитивный взгляд, по мнению Оэ, проистекает из того, что Достоевский и в отрицательных персонажах находил положительное начало, а с другой стороны, не считал людей, не замешанных в убийстве Шатова, «чистыми»: его точка зрения — все мы в этом виноваты. Я в этом не замешан, это меня не касается — вот самая страшная позиция, которую только может занять человек. Дело группы «Рэнго сэкигун» стало возможным — помимо всего прочего — из-за душевной апатии многих и многих японцев, подчеркивает Оэ.

«Сегодняшние японцы, смотрящие по телевизору передачу о деле группы «Рэнго сэкигун», считают, что они совершенно не связаны с этими молодыми людьми, с этими безумцами, которые, затаив в горы своих товарищей — студентов, убивали их из винтовок. Но если бы мы, как частица человечества, считали бы себя ответственными за все, что происходит вокруг, мы обязаны были бы считать и себя причастными к этим убийствам — более того, ко всему, что породило саму возможность подобной расправы. И только тогда нам бы удалось в истинном свете увидеть, что представляет собой группа «Рэнго сэкигун», что представляют собой юнцы, именующие себя «солдатами «Рэнго сэкигун».

Оэ говорит о чрезвычайно примитивном взгляде этих «солдат» на революцию. Победно завершить революцию, считают они, можно, лишь убив всех своих врагов, как внешних, так и внутренних — вчерашних друзей. Их отличает крайнее сектантство. По его мнению, все эти юнцы безнадежно запутались в сложной мировой обстановке.

«На земле существует сейчас Советский Союз, существует Китай, существует Куба. Существуют также капиталистические страны, находящиеся на разных ступенях развития, существуют, одновременно, даже колонии... Таким образом, для японской молодежи, жаждущей совершить свою собственную революцию, история подготовила книгу, в которой сплетены предреволюционный период, период революций и послереволюционный период. Вот они и вертят без конца машину времени, мчась то по дорогам предреволюционного, то по дорогам послереволюционного мира, смешивая прошлое с настоящим и будущим.

Освободить человечество можно, лишь мчась сквозь тьму в неизвестность, — вот единственный путь революции, который они видят. Но правилен ли этот путь, можно ли действительно освободить таким путем человечество? Японская молодежь уверена в его правильности... Это можно назвать революционным нигилизмом... Если эти люди действительно стремятся вдохнуть в революцию жизнь, то им нужно указать единственно возможную позицию — выработать позитивный взгляд на послереволюционное общество».

Выступление К. Оэ привлекает нас по двум причинам. Во-первых, писатель, которого с полным основанием называют выразителем идей японской молодежи, снова решительно выступил против левого экстремизма. Во-вторых, Оэ обнаружил верное понимание «Бесов» — не как произведения, выступающего против революции, а как отповеди ультралевой «революционности», ничего общего с истинной революционностью не имеющей.

К. Оэ точно обозначил идейные истоки ультралевых, показал, в чем состоит их духовное родство с «бесами» времен Достоевского, и мы можем лишь пожалеть, что его позитивной программе не хватает такой же четкости и обоснованности, которой отличается его критика левого экстремизма. Все его рассуждения о «спасении» человечества, о выработке некоего «позитивного взгляда на послереволюционное общество» (непонятно, кстати, что за общество имеется в виду) и т. д. выглядят весьма расплывчато и неубедительно. Не говоря уже о том, что он оперирует понятием «японская молодежь», а ее безусловно нельзя рассматривать как некую однородную массу.

В. ГРИВНИН

